

«Театр «Эстония» в

Москве

На оперное спектаклях

Два спектакля театра «Эстония» теперь, без сомнения, будут неразрывно связаны для любителей музыки с именем Г. Отса. Это, во-первых, опера «Кола Брюньон», которой коллектив открыл гастроль, и, во-вторых, мюзикл «Человек из Ламанчи». Спектакли, конечно, очень разные по характеру, по эмоциональной окраске — и опять-таки отличные ансамблевые спектакли.

Новая редакция «Кола Брюньона» Кабалевского знакома москвичам благодаря постановке музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. Театр «Эстония» в свое время одним из первых обратился к этому новому варианту оперы. Судя по московским гастролям, спектакль живет полноценной сценической жизнью. Радует своей целенаправленностью и художественной стройностью общая композиция спектакля, выявившая светлый оптимизм произведения: жизнеутверждающую стихию народного юмора, могучесть духа и силу истинного таланта. Все составляющие элементы постановки (дирижер Кирилл Раудсепп, режиссер Удо Вяльяотс, художник Лембит Рооза) направлены в одну эмоциональную «точку»: высветить грани характера истинно народного, провести героя через многие жизненные испытания и показать, как кристаллизуются его душевные качества, как утверждается в различных ситуациях (веселых, элегических, остродраматических, конфликтных) цельность натуры Кола — человека и художника.

Снова восхищает в этом спектакле искусство точного художественного «портретирования» действующих лиц. Может быть, только окружение властолюбивого герцога д'Ануа, да и сама его фигура выглядят несколько буффонно, во всяком случае, ему не хватает жизненной достоверности, в отличие от той психологической правдивости, с которой обрисованы сам Кола и его верные друзья: озорная и ласковая Селина-Ласочка, преданная жена Кола — Жакелина, веселый безбожник — кюре Шамай.

Динамично, с настоящим эмоциональным размахом поставлены массовые хоровые сцены, в которых У. Вяльяотс добивается точного осмысления своей драматургической функции едва ли не каждым артистом. Никакой серой, безликой, статичной «хоровой массы», просто заполняющей сценическое пространство или расставленной в определенных точках! Нечего и говорить, что, при той значительной роли, какая отведена хору в партитуре оперы, это особенно важно. Само звучание хора (руководитель Уно Ярвела) отличается богатством динамических градаций, тонкостью эмоциональной нюансировки.

Но, конечно, главное украшение спектакля — Г. Отс в роли Кола. Это образ, исполненный неисчерпаемой жизнерадостности, искренности, трогательной сердечности. Удивительно тонко прослежена динамика характера героя от юности (первое действие) до старости... Много потерял Кола — осталась невысказанной его юношеская любовь к Селине, умерла верная спутница жизни мастера Жакелина, погибли в огне, уничтожены по приказу герцога лучшие творения художника, но неистребима в его сердце жажда творчества, вера в жизнь, в счастливый грядущий день, в бессмертие подлинного искусства. Сколько энергии, озорства, порывистости чувства в юном Кола — Г. Отсе и как выразителен, пластически рельефен у артиста образ мудрого художника в старости, исполненный философской масштабности! Подлинными эмоциональными вершинами спектакля стали драматическая сцена Кола в четвертой картине (эпизод видений героя, заболевшего чумой, но маведшего в себе силы победить смерть) и монолог Кола, обращенный к маленькой внучке (финал второго действия), полный трепетной нежности.

Остается назвать прекрасный актерский ансамбль, окружавший Г. Отса. Это Айно Кюльванд (Жакелина), Артур Линнамяги (Шамай), Эрвин Кярвет (Жифляр, лакей герцога), Калю Караск (герцог), Урве Таутс или Эве Нээм (Селина).

В. Тимохин

«Музыкальная жизнь» 1972/19

се. 7